

Накануне Нового года в префектурном городе царил небывалое оживление. Горожане спешно закупали праздничные товары, и в сутолоке улиц то и дело звенело название уезда Шаоюань.

Торговцы префектуры, едва воротившись из уезда, без умолку славили его на каждом углу. Повсюду только и судачили что о павильоне Пьяной Зари, удобных дорогах, мастерских по производству удобрений, плугах для заливных полей и загадочном «Плане привлечения талантов».

Се Яньхан со своими спутниками нанял скромный экипаж и неспешно покатыл к управе префектуры. Здешних чиновников вымели почти подчистую; то же произошло и в соседнем уезде Пинцин. Словом, новому преемнику оставили лишь пустую скорлупу.

К счастью, дела в ведомстве ещё удерживал соправитель префектуры, так что в ближайшее время смуты можно было не опасаться. Се Яньхан лишь мельком переглянулся с ним, обозначив присутствие, и сразу направился к выходу.

Соправитель префектуры растерянно захлопал глазами.

— Позвольте, господин префект... Вы уже уходите?

У самых дверей Се Яньхан остановился и обернулся:

— Соправитель Чжао, велите подготовить повозку попроще. Я съезжу в Шаоюань, осмотрюсь там без лишнего шума.

Чжао лишился дара речи. Первое же знакомство с префектом Се принесло ему весьма дурное предчувствие. Новый начальник явно не собирался следовать устоявшимся чиновничьим правилам.

Он лишь безмолвно созерцал, как прибывших слуг под началом госпожи Се уводят в жилые покои заднего двора, пока сам господин Се садится в повозку и укатывает прочь.

На полпути к уезду экипаж ощутимо встряхнуло, но мгновение спустя качка прекратилась, и колеса покатались на удивление мягко, будто по безупречно ровному тракту.

Се Яньхан выглянул наружу и обомлел: ни о каком «будто» речи не шло — впереди простиралось идеально ровное полотно.

Обычный глиняный тракт, оставшийся позади, теперь казался убогим. Накатанная годами колея, бугры и ямы — всё это исчезло, уступив место серой ленте, на которой не было ни

единой трещины, ни малейшего изъяна.

В глазах префекта вспыхнуло неподдельное изумление.

— Дорога тянется с юга на север... Неужели её проложили в Шаоюане?

— Так и есть, сударь, — охотно отозвался возница. — Добрую половину пути обустроили по приказу уездного судьи Цзяна.

Говорят, в самом городе все улицы укатали этим серым составом — называют его «цементом». Да только кто ж поверит, чтобы сухая серая глина от дождей не раскисла? Вот люди попроще и зовут её просто «серой дорогой».

«Цементная дорога? Серая дорога?»

Это вполне укладывалось в привычки его младшего ученика: давать вещам названия простые, даже невзрачные, но отражающие самую суть.

Велев остановить экипаж, Се Яньхан лично сошёл на обочину. Он подобрал острый осколок кремня и с силой провёл по серой глади. Камень со скрежетом скользнул — цемент оказался на диво прочным, и префект, даже навалившись всем весом, сумел оставить лишь едва заметную царапину.

«Если... если укрепить этим составом городские стены?»

Сердце Се Яньхана тревожно екнуло. Прежнее веселое настроение и мысли о кубке хорошего вина в компании любимого ученика мгновенно улетучились.

«Беда. Опять сплошная головная боль».

«Ну и горазд же малец подкидывать учителю задачки!»

Всё, что хоть краем касалось военного дела и снабжения армии, неизбежно влекло за собой опасные последствия. Даже если эта серая смесь не годилась для крепостных стен, одни лишь дороги, способные выдержать тяжелые обозы, задевали интересы слишком многих влиятельных особ.

К тому же у столь твердого покрытия имелся изъян — оно немилосердно сбивало копыта лошадям и мулам. Впрочем, эта беда проявится не сразу. А пока экипаж катился всё дальше, приближаясь к границам Шаоюаня.

По пути то и дело попадались телеги, гружённые тюками, неспешные волы и навьюченные ослы. Пешие путники тоже прибавили шаг — по твердой ровной поверхности идти было одно удовольствие.

На подступах к Шаоюаню префекта ждало еще более глубокое потрясение. Городские стены полностью преобразились, и наметанный глаз Се Яньхана сразу определил: укрепления отстроили практически с нуля.

Чем ближе подкатывал экипаж, тем отчетливее проступали детали новой кладки.

Цоколь крепостной стены сложили из массивных блоков тесаного известняка, стыки которых намертво схватила смесь извести и того самого серого цемента. Выше поднималась ровная кирпичная кладка, дышавшая суровой мощью.

Массивные ворота пахли свежим лаком — резкий, едкий дух еще не выветрился на ветру. Станным казалось лишь одно: над створками почему-то не красовалась привычная деревянная плашка с вырезанным названием уезда.

Разглядывая грозные бастионы, новый префект невольно разделил былую тревогу сопровителя Чжао. В душу закралось смутное подозрение, переросшее в твердую уверенность, стоило экипажу миновать арку ворот.

Вместо привычной толкотни уличных лавок и жилых построек взору префекта открылся огромный пустырь, залитый серым цементом. Пространство было четко расчерчено на ровные квадраты, напоминающие гигантскую шахматную доску.

Серые плиты дорожного покрытия причудливо чередовались с островками обнаженной глины. Подобное зрелище рождало странное чувство нереальности происходящего. Куда делись горожане? Где дома? Неужели уезд стерт с лица земли?!

Однако первое ошеломление быстро прошло. Вглядевшись внимательнее, префект хлопнул себя по лбу: перед ним раскинулись новые кварталы расширяющегося Шаоюаня!

Цзян Умянь подошел к делу с неожиданной стороны. Вместо того чтобы хаотично лепить постройки, а затем огораживать их частоколом, он сначала наметил границы крепостных стен, проложил широкие проспекты и лишь потом выделил пустующие глиняные участки под будущие дома.

Возведение стен и укладка дорог велись одновременно. И если цементное покрытие легло быстро, то оборонительные рубежи завершили совсем недавно — от новеньких укреплений веяло первозданной, суровой свежестью.

Вдоль мостовых тянулись желоба с уложенными в них странными полыми стволами —

заготовками для будущих стоков.

Живших здесь когда-то людей давно расселили. Военные первыми перебазировались в островной гарнизон, а судьба беженцев и строительных артелей решилась и того проще: одних определили на постой в старом городе, другие обосновались во временных бараках возле строек, а третьих отправили обратно к местам прежней приписки.

Сейчас уезд замер в ожидании второй переписи населения — её результаты должны были лечь в основу будущих списков для школы ликбеза.

Возница, бывавший здесь и прежде, не упустил случая просветить удивленного господина:

— Сударь, у них тут строго заведено: всякий транспорт держится середины тракта, а края оставлены для пеших.

Правила на первых порах установили самые простые: лишь бы разные телеги не сталкивались лбами на развилках.

Возница протянул медную монету дежурившему у края мостовой стражнику, и только после этого пришпорил лошадей. Се Яньхан удивленно вскинул брови. Если этот мелочный побор оказался выдумкой его младшего ученика ради пополнения казны, то мерзавцу не избежать сурового внушения.

Заметив недовольство барина, возница поспешно пояснил:

— Это плата с колес, сударь. Нас двое на одну повозку — вот и выходит мелкая монета за въезд и выезд. Называют это «сбором на содержание дорог». С пешего люда денег не берут, а вот с купеческих караванов — особый спрос. Слышал от знакомцев, что пошлину там рассчитывают по весу клади, но сколько точно — мне неведомо.

В черте старого города перемены оказались еще разительнее. Все улицы до единой были закатаны в прочный серый панцирь. Потоки въезжающих и выезжающих развели по разные стороны, а чтобы никто не путался, прямо на мостовой нарисовали белые стрелы-указатели.

Едва взглянув на эти художества, Се Яньхан усмехнулся. Кто, кроме его неумного ученика, додумался бы малевать указатели прямо под ногами у прохожих?

«И ведь года не прошло... — размышлял старик, качая головой. — А уезд изменился до неузнаваемости. Дай ему еще года два, и этот глухой угол поспорит блеском с самой префектурой».

Се Яньхан не застал Шаоюань в былые, черные дни. Тогда мятежные шайки еще рыскали по округе, и при малейшем шорохе местные жители, точно пугливые зайцы, прятались по

погребам, мечтая провалиться сквозь землю.

Купеческие караваны обходили эти края стороной, а чужеземные корабли шли мимо, предпочитая бросать якоря в гаванях северных провинций.

Но за один только год трудами Цзян Умяня уезд ожил, наполнился деятельным гулом, а в глазах измученных людей наконец затеплилась надежда.

Прохожие спешили по делам, но в их движениях не осталось и следа прежней затравленной покорности — лица их были открыты, а взгляды тверды.

«Поистине мудрое правление», — мысленно признал префект.

Прежде старик всерьез опасался, что его любимец, минуя положенную стажировку в столице, сразу принял уезд под руку. Он боялся, что неопытный юноша растеряется в чиновничьем болоте или позволит местным воротилам отобрать власть. Се Яньхан даже отправил письма старшим ученикам с просьбой незаметно подставить плечо младшему собрату.

Кто же мог помыслить, что малец не просто блестяще справится с делами, но и невольно поспособствует переводу собственного наставника из сурового пограничья в благодатные южные края!

Префект до сих пор ломал голову, гадая, какую же службу сослужил его ученик престолу, раз сам государь соизволил издать указ о его новом назначении.

За изобретение плуга для заливных полей юношу могли обласкать наградами или повысить в чине, но этого явно мало для столь высокого перевода его наставника.

«Может, секрет кроется в этой серой дороге? Или в чудодейственных удобрениях, о которых без умолку твердят торговцы?»

Размышления ни к чему не привели — в мозаике явно не хватало деталей. Что ж, проще расспросить обо всём самого виновника с глазу на глаз.

Экипаж остановился у ворот уездной управы. Се Яньхан уже собирался сойти на землю, как вдруг с противоположной стороны улицы донесся зычный выкрик:

— Слушайте все! Указ о переписи населения уезда Шаоюань!

Старик передумал идти в управу и повернул к толпе, собиравшейся у противоположной стены.

Около доски объявлений толпились люди, а бойкий грамотей в длинном халате нараспев читал свежую бумагу:

—... С завтрашнего дня в уезде объявляется всеобщая перепись населения. Служители управы обойдут каждый дом, и плата за то с мирян не взимается. Каждой семье надлежит отвечать по совести, не утаивая ни единой живой души, включая младенцев, коим исполнился месяц от роду...

Бумага была краткой, но суть ее сводилась к полному учету местных жителей с одновременным обновлением семейных реестров и дорожных грамот.

Се Яньхан заложил руки за спину и неторопливо зашагал к управе, размышляя над непривычными словами — «перепись населения».

Людские души неотделимы от пашни, а пашня — это налоги, зерно и серебро. Пересчитать людей — все равно что запустить руку в самую глубь налоговых реестров.

Префект мысленно вздохнул: в маленьком Шаоюане навести порядок не так уж трудно, но во всей Великой Чжоу проверить подобное — задача почти невыполнимая.

Иначе откуда бы взяться несметному числу беглых душ, укрываемых от казны богатыми родами?

Впрочем, тут старик взял слишком круто. У его ученика определенно хватало благоразумия не соваться в налоговые дебри, где можно запросто лишиться головы. Тот предпочел действовать тоньше — через просвещение простого люда.

— Стой! — стражники у ворот преградили ему путь, положив ладони на рукояти мечей. — Говори, по какому делу пришел?

Се Яньхан даже бровью не повел. Гонору у стражей хватало, чтобы пугать темных крестьян, но искушенному в придворных бурях чиновнику эта напускная строгость показалась ребячеством.

— Префект Нанькана прибыл с осмотром, — спокойно произнес старик, протягивая деревянный жетон с красным оттиском печати префектуры. — Ступай, доложи своему судье.

Стражник мгновенно убрал клинок. Опешив от неожиданности, он низко поклонился и опрометью бросился во внутренние покои управы.

Цзян Умянь в это время изучал программу ликвидации безграмотности, составленную советником Линем. В свиток было внесено множество важных дополнений.

Обучению подлежали дети от восьми до шестнадцати лет. Цзян Умянь разделил их на группы, но ориентировался не на возраст, а на способности и уровень первоначальных знаний.

«Всё же это слишком гладко на бумаге. Кое-что я определенно упустил».

Цзян Умянь отложил исписанные листы, пытаясь нащупать слабое место в своих расчетах.

— Господин судья! — запыхавшийся стражник прервал его раздумья. — У ворот путник. Говорит, что он новый префект, и предъявил верительный знак!

Цзян Умянь стремительно поднялся с места. Согласно донесениям, корабль нового начальника должен был пристать к берегу лишь через три-четыре дня. Почему он прибыл так рано?!

Он принял из рук стражника деревянную плашку — на ней действительно красовалась личная печать префекта Нанькана. К нему приехал учитель. Его достопочтенный наставник, Се Яньхан.

Сердце Цзян Умяня радостно забилося. Позабыв о чинном шаге, он устремился к выходу.

Неважно, почему учитель прибыл раньше срока и почему никто не предупредил о встрече. Все расспросы могли подождать. Сейчас его долг как преданного ученика — лично встретить дорогого гостя у порога.

Выбежав к воротам, Цзян Умянь сразу выхватил взглядом из толпы знакомую фигуру.

Они не виделись долгих четыре года. И пусть между ними не прекращалась переписка, Цзян Умянь все эти годы искренне тревожился о здоровье учителя.

И вот наконец они встретились вновь, и за пеленой прожитых лет не осталось места прежним тревогам.

— Приветствую вас, достопочтенный учитель, — Цзян Умянь почтительно поклонился, сложив руки в глубоком приветствии.

Се Яньхан сам поспешил подхватить юношу под локти, крепко сжал его плечи и взволнованно повторил:

— Ну, здравствуй, здравствуй... Вырос-то как.

Стоявшие у ворот стражники ошарашенно переглядывались. У того, кто принес жетон, от удивления перехватило дыхание.

Учитель? Сам префект?!

Неужели у их судьи столь могущественный покровитель?!

Выходит, теперь за спиной Шаоюаня стоит не кто-нибудь, а сам глава всей префектуры!

<http://bllate.org/book/19045/1988499>